

WARHAMMER

40,000

EDITED BY CHRISTIAN DUNN

TREACHERIES OF THE SPACE MARINES

ГИМН РАЗЛОЖЕНИЯ

Дэвид Энненгейл

Он тратил размышляя о славе и не мог
ничего с этим поделать. Заняв свое место
в возвышавшейся

над сценой личной ложе губернатора,
Корвус Парфатен оказался окружен славой,
которая

принадлежала не ему. Роскошное
убранство ложи, буйство алой кожи и
бархата, вышитых золотыми и

платиновыми нитями, было данью --
избыточной данью -- славе губернатора
Эльнидия. Но Корвуса

волновала не роскошь. Ложа воплощала
собой мягкую, неистинную славу
сопровождавшую титул

известность, а не свершения человека.
Еще была сцена, к которой устремлялись
все прожектора

освещения. Она представляла собой
покатый монолит, вырезанный из цельной
глыбы обсидиана. На

этом алтаре могли бы приносить

жертвы богам, однако вместо этого он
престыкался под ногами

артистов. Он воплощал величие камня, и
сегодня чувствовал брата Корвуса. И это
тоже не волновало

того. Он не понимал, чем занимается
Тургес, но по крайней мере признавал, что
его брат-близнец

заработал свои лавры. По мнению Корвуса,
искусство тоже было своего рода
свершением.

Его раздражали стены. Лишенные окон и
вздыгающиеся на двести метров к
далекому своду потолка,

они были драпированы громадными
гобеленами. Это были сотканные вручную
символы имперских

побед. Кильдар. Стены Плануса. Цар IV.
Еще и еще. Над Корвусом возвышались
воины из древних и

новых легенд. Они должны были
вдохновлять, привлекать глаз, пока дух
воспарял от величия почестей,

которые воздавала музыка. В этом

колоссальном пространстве творения
искусства -- камень,

изображения и звук -- должны были
сплетаться воедино во славу Императора
и его легионов. Но затем

поклонение стало направленно. Ныне
колоссы с гобеленов, затершие в миз
триумфальной

битвы, тоже склонялись перед славой
Гургеса, и это было неправильно. Именно
поэтому Корбус так

сильно вдавливал пальцы в кожу
подлокотников, что даже царапал ее.

Жена губернатора, леди Ахала,
вернулась к нему, и ее многочисленные
ожерелья зазвенели.

- Приятно вас видеть, полковник, - сказал
она. -- Вы, должно быть, очень гордитесь.

Горжусь чем? -- хотел он спросить.
Вкладом родного мира в крестовые походы
Империи? Стесно.

Как была стесна и сама Лизета. Ни на
одном из сотен гобеленов в концертном
зале Имперского

дворца культуры не было лигетского
героя. Располагаясь глубоко в Сегментуме
Пацифик, вдали от

основных зон боевых действий, Лигета
была затронута войной лишь в отношении
сбора обычной

десятины граждан, передаваемой в
Имперскую Гвардию. Многие из ее сыновей
сражались и гибли в

далеких землях, но сколько отличилось
так, чтобы их помнили и чествовали? Ни
одного.

Чем гордиться? Собственными военными
заслугами? Командованием полком
обороны Лигеты? Это

все же лишь делало его частью лигетского
фарса. Офицеры, назначенные на свои
родные миры,

обладали репутацией, особенно если эти
миры были изнеженным и пришедшим в
упадок

захолустьем. Самое ужасное было в том,
что он даже не мог задаваться вопросом,
что сделал не так.

Он знал ответ. Ничего. Он все делал правильно. Заводил нужных друзей, служил под началом

правильных офицеров, кланялся и расшаркивался в нужное время и в нужном месте. Он исполнял свой

долг на поле боя. Никто не смог бы утверждать обратного. Но не было никаких отчаянных атак или

оборон до последнего человека. Лигетские полки вызывали для поддержки линий снабжения,

фортирования гарнизонов на занятой территории и подавления символического сопротивления не до

конца стирившихся побежденных. Их не звали в случае крайней необходимости.

Эта несправедливость заставляла его кипеть. Он знал себе цену, как и своим товарищам. Когда было

нужно, они сражались и утирали наравне с лучшими. Не всякая зачистка оказывалась будничной

рутиной. Не все территории было легко

утиротворить. Лигетцы утели сражаться
и могли многократно
это доказать.

Вот только на это никто не обращал
внимания. Никто даже не подумал
взглянуть, ведь все знали о
репутации Лигеты. Планета гилетантов
и артистов. Планета пения.

Этим гордиться?

И да, Ахала умела в виду именно это.
Гордится музыкой, пением. Гордится
Гүргесом. Гражданское
население Лигеты радовалось репутации
мира. Они не видели в этом ничего
унизительного или

постыдного. Ути двигала та же логика,
что и начальством Корвуса, которое
полагало, что

вознаграждает за верность, отправляя
готовой. Кто бы отказался от приятной
командной должности

вдали от мерзости зараженного Хаосом
мира-улья? Кому бы не хотелось оказаться
рядом с Гүргесом

Парфатеном -- творцом не просто песни, а
Песни?

Да, подумалось Корвусу, Гургес хорошо
здесь поработал. Прошло уже больше
десяти лет. Песнь была

гимном славе Императора. Едва ли это
можно было считать чем-то необычным.

Однако «Да царствует

Император» была редкостью.

Результатом особой алхимии, сплавившей
воедино формальное величие

с популистской привлекательностью.

Мелодия была достаточно властной,
чтобы звучать из боевого

горна титана, достаточно простой, чтоб
ее мог насвистывать самый последний
пехотинец, и достаточно

привязчивой, чтобы никогда не забыться,
будучи услышанной всего один раз. Она
поддерживала

боевой дух на тысячах осажденных миров и
воспламеняла мужество миллионов
солдат,

прорывающихся к спасению. У Корвуса

было полное право гордиться
достижениями брата. Это было
гениальное произведение.

Ну, так говорили. Ему пришлось
довольствоваться словами других. Корвус
страдал амүзией. Он был

настолько же невосприимчив к музыке,
насколько Гүргес был к ней чувствителен.
Творение

брата-близнеца оставило его холодным.
Для него было больше мелодичности в
вибрирующей зеленокожего,

придавленного ногами гредноута.

Когда же Ахале Корвус ответил: «Не мог
бы гордиться сильнее».

- Вы знаете, что он сегодня нам
преподнесет? -- спросил Эльнигий,
пристраивая мягкую громаду своего
тела поудобнее.

- Нет.

- В самом деле? -- в голосе Ахалы
слышалось удивление. -- Но вы же с ним
близнецы.

- Мы не видели друг друга большую часть

тогда.

Эльнигий нахмурился.

- Я не знал, что вы отлучались.

Корвус подавил вызванную обидой дрожь.

- Это Гургеса не было на планете, - сказал

он. Брат искал среди звезд вдохновение

или какую-то еще

изнеженную чужь. Корвус не знал и знать

не желал.

Со сводов зала свисали сотни светящихся

сфер, составлявших вместе звездную

карту Империи. И вот

они погасли, приглушая шум десятков

тысяч бесед. Аудиторию окутала тьма,

лишь сцена оставалась

освещена. Из-за кулис появился хор. Певцы

были одеты в черную форму, отглаженную,

словно

офицерский парадный мундир. Они

выходили сотнями, пока не заполнили всю

заднюю часть сцены,

встав лицом к аудитории. Сначала Корвус

решил, что на них надеты серебряные

шлемы, но затем они

протянули руки и опустили лишённые
черт и глаз, которые закрыли верхнюю
половину лиц.

- Как они увидят его указания? -- удивился
Эльнидий.

Ахала возбужденно хихикнула.

- Это еще ничего, - прошептала она,
доверительно положив ладонь на руку
Корвуса. -- Я слышала, что не
было никаких репетиций. Даже хор не
знает, что будет исполняться.

Корвус моргнул.

- Что?

- Разве это не интригует? -- она
повернулась обратно к сцене, счастливая и
безмятежная перед
приближением невозможного.

Свет продолжал гаснуть, пока не остался
лишь узкий луч в середине ее передней
части -- жалкая

телочь в холодной ночи катня. Тишина
была столь же плотной и тяжелой, как
сама скала. Ее нарушил

торжественно-медленный стук каблучков.

Уверенной походкой, словно совершая обряд
и восхищаясь

собственным появлением, на свет вышел
Гүргес Нарфатен, невец Императора и
любимый сын Лигеты.

На нем была такая же черная форма как и
на музыкантах, но не было маски. Вместо
нее...

- Что у него с лицом? - спросила Ахала.

Корвус подался вперед. У него внутри
стремительно прибывало что-то
холодное. Лицо брата-близнеца

повторяло его собственное: те же строгие
черты, узкий подбородок и серые глаза,
даже одинаково

подстриженные черные волосы. Но сейчас
Корвус смотрел в кривое зеркало. На
Гүргесе была надетая

какая-то конструкция, блестевшая, словно
золото, но даже с такого расстояния были
различимы

безжалостные углы и жесткость железа.
Она опоясывала его голову, будто лавровый
венок. К лицу

тянулись изольчатые тонкие ногти, которые пронзали веки и удерживали их открытыми. Гургес смотрел на аудиторию безумным и беспощадным взглядом, в котором в равной мере сочетались абсолютное знание и предельный фанатизм. Глаза были лишены свободы, как и у его хора. Но в то время как певцы не видели ничего, он видел слишком много и получал удовольствие от пытки. Губы растянулись в

улыбке. Кожа Гургеса была слишком тонкой, сквозь нее проступал череп. Когда брат заговорил, Корвус услышал глухой звук ветра, дующего в ржавых трубах. В истершихся уголках реальности зашелестели насекомые.

- Собратья-лигетцы, - начал Гургес, - прежде чем мы начнем, было бы настоящим предательством с моей стороны не сказать кое-что о роли, которую играет в искусстве покровитель.

Жизнь музыканта

непроста. Мы не производим
материальных продуктов, и поэтому
многие считают нас ненужными,

бесполезной роскошью, без которой
Империя вполне может обойтись. Это
обстоятельство делает

еще более важными тех, кто ценит нас.
Покровители — это те благословенные
немногие, которые

понимают, что на самом деле артист
способен создать нечто положительное.

На мгновение Гургес сделал паузу.
Возможно, он ждал аплодисментов, но
аудиторию сдерживали

знание и лег в его застывшем взгляде. Он
спокойно продолжил.

- В течение моей жизни музыканта я
имел честь работать с большим, чем
должно было выпасть на мою

долю, количеством щедрых,
целеустремленных и тонко чувствующих
покровителей. Благодаря им мою

музыку вообще услышали, — он склонил

голову, как будто ит овладела скромность.

Корвус фыркнул бы от тщеславности
этого жеста, однако он был слишком
напряжен. Его пугали слова,

которые могли выйти из открытого рта
брата.

Тургес взглянул вверх, и в его глазах,
казалось, появилось свечение цвета праха и
тепла.

- Да, - произнес он, - щедрого покровителя
надлежит чтить. Но еще более ценен, еще
более

заслуживает прославления и чествования
тот покровитель, который вдохновляет.
Тот, кто открывает

двери к новым горизонтам созидания и
проводит художника через них. Я стою
перед вами в качестве

слуги такого покровителя. Мне известно,
что мое скромное посвящение Императору
высоко ценится,

однако теперь я вижу, насколько жалкой
подделкой истины оно является. Сегодня
увидите и вы. Я не

могу поведасть, что раскрыл мне мой покровитель. Но могу показать.

Заключительные слова композитора скользнули над залом, словно предсмертный хрип. Гүргес

повернулся к хору и поднял руки. Певцы остались неподвижны. Погас последний свет. На Корвуса

обрушилась ужасная, запоздалая уверенность — он должен это прекратить.

А затем Гүргес запел. Почти минуту Корвус ощущал облегчение. Из рта брата не вырвался дёмон.

Сердцебиение успокоилось. Он поддался на игру первоклассного артиста, только и всего. Для него

песня не отличалась от прочих творений Гүргеса. Очередная последовательность нот, каждая из

которых была такой же бессмысленной, как и следующая. Но потом он понял, что ошибся. Он слышал

не просто последовательность. Даже его тупой слух улавливал, что Гүргес поет

одновременно две ноты.

Затем три. Четыре. Песня стала невозможной. Каким-то образом продолжая петь, Гүргес вдохнул. Хотя

Корвус не заметил в музыке изменения, вдох, казалось, означал окончание рефрена.

А также конец спокойствия, потому что теперь зашел и хор. Они вступили все до единого, прижнув к

голосу Гүргеса. Песня превратилась в рев. Тьма начала отступать, когда по сцене разлилось сияние. Оно

сочилось из певцов. Лилось в зал, словно радиоактивный туман. От его цвета Корвус передернулся. Это

был бы своего рода зеленый, улей цвет кричать. Оно пульсировало, словно напряженная плоть.

Ухмылялось, как Хаос.

Корвус вскочил на ноги. Как и остальная часть аудитории. В мгновение безумной надежды он подумал

о том, чтобы приказать собравшимся броситься на певцов и заставить тех

утолкнуть. Однако люди

вставали не в тревоге, как он. Они были
едины с музыкой, их голоса присоединялись
к ее великолепию,

а души — к ее мощи. Рев превратился в
звуковую волну. Сияние заполнило зал, и
Корвус не желал

видеть ничего из того, что ему
открылось. Рядом с ним неподвижно
стояли губернатор с женой, их

лица были искажены экстазом. Они пели,
словно песня принадлежала им от
рождения, пели, словно

желая обрушить небо. Головы были
запрокинуты, челюсти раскрылись широко,
как у змеи, гортань

подергивалась и содрогалась, силась
издать нечеловеческие созвучия. Корвус
схватил Эльнигу за

плечо и попытался встряхнуть. Тело
губернатора было жестким и прикованным
к массе Лигеты. Корвус

как будто боролся с колонной. Но человек
не был холодным, как камень. Он весь

зорел. Глаза

остекленели. Корвус пощупал его пульс. Ритм был бешеным, быстрым и неравномерным. Корвус

отдернул руки. Они казались скользкими от болезни. Нечто, обитавшее в песне, скреблось в его

сознании, словно ногти по пластику, но не могло ни за что зацепиться.

Он растегнул ремень плечевой кобуры, вытащил лазеристолет, перегнулся через перила и прицелился

брату в голову. Без колебаний, ощущая огню лишь необходимость, Корвус нажал на спуск.

Гүргес рухнул с сожженной верхней половиной черепа. Песне это было безразлично. Она продолжала

реветь с неослабевающим ликованием. Корвус выстрелил еще шесть раз, и от каждого падал один из

членов хора. Он остановился. Песня была не чарам и не механизмом. Это была чужда, и убийство

отдельных ее переносчиков было
бесполезным, даже хуже того.
Расходовалось драгоценное время,
которое можно было потратить на
действия, способные принести результат.
Он выбежал из ложи. Швейцары в
вестибюле стали частью хора, и песня
преследовала Корвуса, пока
он грохотал по мраморным ступеням на
мезанин, а затем на нижний этаж. Фойе,
столь же громадное
как концертный зал, вело в Великую
галерею искусств. Сводчатое помещение
тянулось на целый
километр до самого выхода из дворца. С
занимавших все пространство от пола до
потолка мозаичных
витражей на бронзовые изваяния героев
взирали притархи. Бессчетные воители
попирали ногами
врагов Императора, втаптывая их
разорванные агонизирующие тела в
пьедесталы. Однако галерея
более не была торжеством искусства и

великолепия. Она превратилась в гортань,
и за Корвусом
завывала песня. Хотя мелодия и была ему
чужда, он чувствовал силу музыки,
которая, будучи
нематериальной, толкала его с силой
урагана. Под ногами струился свет, от
которого горло

наполнялось едкой желчью.

Он вырвался из огромных дверей на
площадь. И, пошатнувшись, затер в ужасе.

Концерт транслировался.

Палестрина, столица Лигеты с
тридцатимиллионным населением,
кричала. Ее били сугороги.

Вечернее сияние города были заняты
не-светом Хаоса. На площади, на улицах, в
окнах изящных

блистающих башен Палестрины — везде
стояли люди, певшие о своей смерти.
Дороги превратились в

кошмарную мешанину пылающих
обломков: одержимые искусством
водители врезались друг в друга.

Оставшиеся в живых жертвы столкновений пели вместо того, чтобы кричать напоследок. Повсюду к

небу возносилось хоровое пение, а небо отвечало огнем и громом. На западе между башнями

вспыхивал и грохотал горизонт и расцветали огненные сферы. Корвус осознал, что смотрит на

костюпорт и видит разрушения, вызванные тем, что все сажающиеся и взлетающие корабли внезапно

напрочь лишились управления.

Над головой раздался оглушительный рев, и появился низко летящий обезумевший грузовой транспорт

с пылающими синевой двигателями. Он врезался в стену башни на расстоянии нескольких кварталов.

Корабль взорвался, заполнив небо светом и звуком собственной гибели. Корвус бросился наземь, когда

в стороны понеслась волна осколков размером с метеоры, при столкновении

оставлявших воронки на
улице, в катне и плоти. Башня рухнула с
неторопливой величественностью,
завалившись на соседние и
начав торжество разрушения,
напоминавшее падающие кости домино.
Стремительно взметнулось
угушливое облако пыли. Оно накрыло
Корвуса, скрыв зрелище утирающего
города, однако
песнопение продолжалось.

Он закашлялся, давясь заполнившим горло
и легкие песком, пошатнулся, но снова
начал двигаться.

Хотя видимость и снизилась до
нескольких метров, а глаза слезились и
болели, он чувствовал, что
снова может отчетливо видеть. Скрыв
от его взгляда гибель города, пыль как
будто разрушила чары.

Палестрина была потеряна, однако это не
освобождало его от долга перед
Императором -- на это
была способна лишь смерть. Пока он

мог дышать. Движения стали быстрыми и целеустремленными. Ему нужно было средство

передвижения, но с возможностью маневрировать в запутанном хаосе улиц. В полукилометре от

площади он нашел искомое. Человек сидел на работающем вхолостую мотоцикле. Песня застигла его

перед самым отъездом. Корвус попытался столкнуть его, но тот был таким же неподвижным и

прикованным к месту, как и губернатор. Корвус застрелил его. Сбрасывая труп с мотоцикла, он говорил

себе, что человек уже был мертв. Если бы Корвус не проявил к нему милосердие, это случилось бы

как-нибудь иначе. Распространяющийся пожар. Падающие обломки. А если бы не произошло никакой

насильственной смерти, то...

Корвус уставился на поющих пешеходов и задумался над смыслом увиденного. Он был

убежден, что

ничто уже не могло освободить жертв
после того, как песня получала над ними
власть. Так что они

будут стоять, ничего не делая, там же,
где их накрыло. Не будут спать. Не будут
есть. Не будут пить.

Корвус увидел конечный результат, а с
ним и первый спасительный проблеск. С
окрепшим чувством

долга он вскочил на мотоцикл и уехал.

К тому моменту, как город остался
позади, шел первый час после рассвета.
Покинув холмы

Палестрины, Корвус поехал еще быстрее
по иссушенным грязевым равнинам. Вода
этой некогда

плодородной земли ушла на утоление
жажды города. На горизонте звезды
заслоняла тень горы Горек.

У ее основания виднелись крохотные
огоньки. Они и были его целью и надеждой.

У базы земля вновь начинала подниматься
вверх. Он приблизился к главным воротам

и не услышал

нения. Стена представляла собой
железный заслон высотой в пятьдесят
метров — покатый

гофрированный заслон силы. Каждые
десять метров по всей двухкилометровой
протяженности стены

были выбиты гигантские аквилы, еще
более темные, чем чернота железа. Из-за
стены слышалась

работа двигателей, звуки стрельбы с
полигонов и марширующих ботинок. Звуки
дисциплины. Она

ощущалась с самого момента прибытия.
Если часовые и удивились, увидев его
запыленным и

изможденным на гражданском средстве
передвижения вместо штабного
автомобиле, то не показали

виду. Они четко, как машины,
отсалютовали и открыли перед ним
ворота. Он вошел в форт Горек,
обещавший спасение.

По эту сторону стены располагалось

место без искусства и музыки. У Корвуса свалился груз с плеч, когда он увидел размеренный барабанный ритм военной мощи. Ее сила доходила до совершенства, но, во имя Трона, чуть также не была утрачена. Днем ранее поступил запрос от капитана базы Церонила

Тарранта. Принимая во внимание важность такого события планетарного масштаба, как новое

сочинение Гургеса Парфатена, не позволит ли полковник сделать перерыв в тренировках, чтобы

солдаты могли послушать вокальную трансляцию концерта? Корвус не просто сразу отказал в запросе, он

запретил все виды приема и передачи представления. Ему нужны солдаты, сообщил он Церонилу.

Если бы ему были нужны гилетанты, он бы нашел целую кучу в ложах Дворца культуры. Направляясь

на концерт, Корвус ломал голову

относительно мотивов этого своего распоряжения. Ревность? Неужто он настолько мелочен? Теперь он знал, что это не так и он был прав. Задача баз вроде этой ---

поддерживать Гвардию в состоянии постоянной готовности, потому что война может начаться в любую секунду.

Как это случилось сейчас.

Он пересек строевой плац, направляясь к приземистой командной башне в задней части базы,

прильнувшей к базальтовой стене горы. Корвус едва успел слезть с мотоцикла, когда из башни

появился трясущийся Цероним. Он был бледен и почти безумен, но не забыл отсалютовать.

Дисциплина, подумал Корвус. Она уже их спасла. И приведет к победе.

- Сэр, - произнес Цероним. - Вы знаете, что происходит? Нас атакуют? Мы не можем ни с кем связаться.

- Да, ты на военном положении, - ответил Корвус, быстро шагая к двери. - Никто на базе не имел

внешних контактов за последние десять часов?

Цероним покачал головой.

- Нет, сэр. Какая-то бессмыслица. Все, кто выходит с нами на связь, шлют что-то похожее на музыку.

- Вы слýшали?- прервал его Корвус.

- Всего пару секунд. Когда мы обнаружили, что повсюду какая-то чужь, мы выключили звук. Никто не

передает ничего связного. Даже «Коса правосудия».

Итак, лигетский флагман пал. Это не удивило Корвуса, однако он все равно обнаружил, что ощущает

снятие. Но то обстоятельство, что база пережила передачи, кое о чем ему сказало. Зараза получала

контроль не сразу. Он припомнил, что хор и аудитория не начали петь, пока Гургес не довел рефрен до

конца. Похоже, содержащееся в песне послание должно было быть завершено, чтобы она смогла поглотить слушателя.

- Что вы предприняли? - спросил он Церонима, пока они шли по лестнице в командный пункт.

- Разослали по всем частотам запросы о подтверждении приема сообщения. Я перевел базу в состояние повышенной готовности. А поскольку мы ни от кого ничего не услышали, я отправил сигнал бедствия.

- Хорошо, - произнес Корвус. Если только этот сигнал принесет пользу, подумалось ему. До того

момента, как сообщение будет получено, и придет помощь, пройдут недели или месяцы. К этому

времени битва за душу Лигеты будет уже либо выиграна, либо проиграна. Певцы умрут от голода,

кто-то выживет, чтобы собрать

уцелевшее, либо же не останется никого.

Когда Корвус и Цероним вошли в командный центр, офицер связи поднял глаза от аусника.

- Полковник, - отсалютовал он. - В нашу систему только что вошел крупный боевой корабль.

- В самом деле?

Быстро. Невероятно быстро.

- Он нас приветствует, - сообщил старший вокс-оператор.

Корвус рванулся через комнату и сорвал с головы оператора наушники.

- До дальнейшего распоряжения все сообщения принимаются в текстовом виде. - приказал он. - Без исключений. Это ясно?

Оператор кивнул.

- Опознайте его, - продолжил Корвус. - Запросите идентификационные данные.

Солдат повиновался. Корвус подошел к пластиковому окну и, ожидая, стал смотреть на базу. Пять тысяч

человек. Позиция на возвышенности и
легко обороняется. Средства у него есть.
Нужно всего лишь
понять, как сражаться.

- Полковник, получено сообщение.

Корвус повернулся к вокс-оператору. Голос
того звучал как-то неправильно, словно у
человека,

внезапно осознавшего тщетность своего
существования. Он таращился на
устройство хранения данных.

Лицо посерело.

- Зачитайте, - произнес Корвус, взяв себя в
руки.

- «Приветствую, имперцы. Говорит
«Терминус Эст».

...

Когда корабль вырвался в реальное
пространство Лигетской системы, Тифус
вошел в стратегиум.

...

- Множественные сигналы, повелитель, -
сообщил дежурный по мостику.

Ну, разумеется. Вряд ли Император оставил бы Лигету без защиты флота. Громада Тифуса двинулась к основному оккупусу. Они были уже достаточно близко, чтобы видеть ряд имперских крейсеров и оборонительных спутников.

- И сколько из них на атакующем курсе? - поинтересовался Тифус. Он знал ответ, но хотел испытать удовлетворение, услышав его.

Офицер дважды взглянул на гололитический дисплей, словно сомневаясь в поступающих сообщениях.

- Ни одного, - сказал он через мгновение.

- А сколько целятся в нас?

Еще одна непродолжительная пауза.

- Никто.

Тифус загудел и зажуужжал от удовольствия. Насекомые, паразитировавшие на нем и составлявшие его

личность, затрепетали и завопили от волнения. От их движения броня пошла

волнами. На мгновение

он позволил себе насладиться
впечатлением, великолепным и
ужасающим парадоксом

существования. Болезнь была
неиссякаемым источником восхищения в
своем союзе со смертью и

жизнью без границ. Ему доставляло
удовольствие распространять проповедь
этого парадокса, урок

гниения. Оккулус перед ним
демонстрировал, сколь хорошо этот урок
был усвоен.

- Приблизиться, - распорядился Тифус.

- Сейчас, повелитель, - офицер мостика
был послушен, однако плохо учился. Он все
еще продолжал

мыслить рамками обычной боевой
обстановки, игнорируя то обстоятельство,
что отсутствие реакции

имперского флота на появление флагмана
Хаоса было более чем необычно. - Проводит
захват целей, -

сообщил он.

- Ни к чему, ни к чему, - проговорил Тифус.

- Сами посмотрите. Все вы.

Офицеры подняли глаза, и Тифус получил аудиторию для организованного ил представления.

«Тертинус Эст» приближался к светящемуся зелено-коричневому шару Лигеты, и вражеские корабли

становились крупнее и отчетливее. Стало видно и постигшее их бедствие. Некоторые из них

грейфовали, став не более, чем железными гробницами. Двигатели других работали, но в движении

не было порядка. Тифус знал, что корабли выполняют последние полученные от экипажей команды и

что новых не последует.

- Поприветствуйте имперцев, - распорядился он. - Открыть все частоты.

Стратегият купался в музыке болезни. Полногочисленным каналом раздавался один и тот же шум --

единый хаос миллионов и миллионов

гортаней, певших хором. Мелодия была
простым и

непрерывным многозвучным созвучием
урока. Она стала аккомпанементом
открывавшемуся перед

«Терминус Эст» виду, и теперь движение
флота превратилось в балет хаоса и
разгрома. Тифус

наблюдал, как два крейсера двигались, не
меняя курс, пока не столкнулись. Один из
них взорвался,

огненная вспышка распустилась, словно
ядовитый цветок. Другой нырнул в
атмосферу Лигеты, неся с

собой ужасный дар в виде собственного
боезапаса и разрушенного реактора.

Тифус представил себе его приземление, и
насекомые начали корчиться в
предвкушении.

Еще он подумал о простоте урока, о его
чистоте и о том, сколь опустошительным
сделала его эта

чистота. Пятнало ли чистоту то, что
Гургеса Парфалена привела к нему в руки

случайность, или же этот

удачный улов был важной частью красоты произведения? Путешествующий в собственное

удовольствие композитор попал в локальный варп-шторм и чуть не столкнулся с «Терминус Эст» - как

могло это быть чем-то иным, нежели абсолютным совпадением? Триумфальный замысел так легко мог

даже не придти в голову. А затем этот человек, чьи амбиции сделали его таким падким, стечение

обстоятельств, давшее Тифусу идеальное вдохновение - все это было столь невероятно, что не могло

быть просто удачей. Их связала воедино судьба.

В стратегии загудели тухи, когда Тифус оценил парадокс, и тот пришелся ему по вкусу. Хаос и судьба,

единые и тождественные.

Возможно, Гургес думал так же. Он не сопротивлялся заражению новой чумой. Ей

Тифус особенно

гордился. Червь-паразит откладывал яйца в кровеносной системе и поражал мозг.

Болезнь

распространялась от сознания к сознанию через передачу идеи, а идею переносил звук, особый звук,

представлявший собой заклинание, которое делало тоньше стены между реальностью и

иллюстрацией и передавалось всем, обладавшим способностью слышать.

- Повелитель, нас приветствуют, - произнес помощник.

Тифус расхохотался от удовольствия, и нарывы на палубе затряслись, сопереживая ему.

- Не приветствуйте их, - приказал он.

...

Теперь у него был враг. Теперь можно было сражаться.

...

Корбус отринул отчаяние. Не думал о шансах. Был враг, и долг предписывал

браться. Ничего более.

Корвус стоял на трибуне строевого плаца
и, превратив с помощью динамиков свой
голос в голос форта

Горек, обращался к собравшимся тысячами
людей. Он объяснил ситуацию, описал чутку
и способы

заражения. И установил правила. Одно из
них было главным.

- Музыка, - прогремел он, - это болезнь.
Она уничтожит нас, если найдет в нашей
защите хоть

малейшую щелку. Надлежит принять
меры, чтобы у нас ее не было. Всякий, хотя
бы насвистывающий,

будет казнен на месте, - отдав этот
приказ, он испытал огромное
удовлетворение. Причины его не
волновали.

...

С момента прибытия прошло меньше дня,
и Тифус узрел апофеоз собственного
искусства. Целая

...

планета стала одним голосом. Гимн, чұта, бывший чұтой гимн стал итогом существования Лузеты. Ее население жило ради одной цели. Чистота возбуждала.

Возбуждала бы, не будь единственного изъяна. Этот форт. Тифүс дұтал, что тот падет сам, но этого не произошло. Он все еще посылал отчаянные призывы о помощи всем тем имперцам, кто мог их

услышать. И, хотя Тифүс мог мешать себя мыслью, что один прыщик порядка подтверждает красоту

порчи, он знал истину. В ближайшие несколько дней песня превратится в рваное дитинүэнго по бере

того, как начнут утирать певцы. Если он не примет мер, то симфония окажется неполной, ее испортит

единственная фальшивая нота.

Так что время было действовать.

...

Атака началась вечером второго дня.

Корвус прохаживался по паранету, когда увидел, что небо

...

темнеет. Раздался низкий непрекращающийся гром, и облака породили ужасающий дождь. Первыми были десантные капсулы, стремительно падавшие вниз непреклонной черной карой. Они

приземлились на равнине в паре километров от базы. За ними в воздухе оставались полосы, черные

вертикальные следы, которые не рассеивались. Вместо этого они стали шире, раздробились на части и

начали вращаться. Корвус побежал на ближайшую сторожевую башню, выхватил у стрелка

снайперскую винтовку и встопрелся в телескопический прицел. Он смог отчетливее разглядеть

движение в извивающихся облаках. Оно напоминало насекомых. Корвус услышал едва заметное

жужжание - слабое, невозможное, то
вплетавшееся, то выбивающееся из
грохота десантных капсул и
последовавших теперь за ними десантных
кораблей.

С неба хлынула тьма. Это была чернота
отсутствия и горя, гниения, отчаяния и
неназываемого

желания. Своим прикосновением она
заразила воздух в зоне высадки, а затем
поползла к базе. Это

была другая болезнь, против которой у
Корвуса не было никакой защиты. Хотя до
форта не дотянулось

ни одного черного щупальца, Корвус
ощутил, что нечто пересекло стену.
Вечерний свет изменился, став

трачным и неверным. Он почувствовал,
как нечто жизненно важное становится
слишком тонким, и

начинает улыбаться что-то
неправильное.

Вокруг него, призывая к оружию, раздался
звук тревожных сирен форта Горек. Шум

был колоссален, и

Корвуса удивило и встревожило то обстоятельство, что он вообще слышит жужжание роев Хаоса. Он

понял, насколько больным стал реальный мир и как тяжело придется за него сражаться.

Десантные капсулы открылись, ядовитые лепестки отогвизались, исторгая находившихся внутри

чужовищ. Корвус никогда не ощущал себя уютно возле костических десантников, от их

сверхчеловеческой мощи и совершенства его лигетский комплекс неполноценности увеличивался в

геометрической прогрессии. Однако он был уверен, что угодно, чтобы рядом оказался один из них, когда

увидел, как неподалеку собираются их коштарные разновидности. Их броня давно перестала быть

обычным кералитом. Это была тьма, что стала железом, и железо, что стало

болезнью. Они строились

в шеренги и затирали неподвижно, держа
оружие наготове. Вот только
неподвижность была

неполной. Их очертания извивались.

Из десантных кораблей наружу валило все
больше порченной пехоты. Наконец, небо
выплюнуло

левиафана, показавшись Корвусу
транспортм типа «Голиаф», но
исковерканным настолько, что он

напоминал ужасного кита. Корвус
покрывали символы, резавшие Корвусу
глаза своей

непристойностью. Вокруг вилось нечто,
напоминавшее усики или щупальца.
Погрузочная рампа

распахнулась, словно пасть, и изрыгнула
на чернеющую землю Лигеты орды солдат
и техники.

Перед Корвусом собирались чуждые
легионы, и он знал, что в схватке с ними
нет никаких шансов.

Но он будет драться. До последнего

человека. Пусть без шансов выжить, зато, как он понял с возбужденным весельем, с возможностью прославиться героическим последним боем.

Опустилась ночь, и силы «Терминус Эст» прибавили в мощи и численности. Размеры воинства уже настолько превосходили необходимые для штурма форта Горек, независимо от наличия стен и

господствующих высот. Но темные солдаты не напали. Они стояли толпой под открытым небом, не

предпринимая ничего с самого момента высадки. Тяжелая артиллерия с грохотом выкатилась из

транспорта и остановилась, направив стволы в небо, угрожающая, но безмолвная. Гул от прибытия

подкреплений прекратился. Землю накрыла вязкая тишина.

Корвус вернулся в командный центр. Из него он мог наблюдать с тем же успехом, а

по эту сторону

пластика было менее ощутимо жужжание ног ухом.

- Чего они ждут? - пробормотал Цероним.

Безмолвие нарушил галекий рев двигателей. Корвус поднял

электробинокль. На виду двигались три

«Носорога». На них были установлены ряды прямоугольных

конструкций. Металлические рога, отлитые

в виде вопящих демонов. Динамики, понял Корвус.

«Погребальные вещатели»

Если «Носороги» начнут транслировать песню, форт Горек падет без единого выстрела.

Корвус ударил кулаком по тревожной кнопке. Над базой взвыли сирены.

- Не выключайте их, пока я не прикажу, - сказал он офицерам.

Все же недостаточно громко, подумал он и повернулся к главному воксу. Отшвырнув оператора в

сторону, он щелкнул переключателями
основной системы массового оповещения.
Схватив микрофон,

Корвус подбежал к висевшему над дверью
командного центра динамику. Он вдавил в
него микрофон.

Резонанс вонзился в череп, ударил по ушам
кувалдой, пыталась стереть все мысли.

Корвус задохнулся

от боли и пошатнулся под тяжестью
звука.

Люди вокруг него прикрывали уши и
качались, словно пьяные. Корвус пересилил
звуковой удар и

встряхнул офицеров.

- Сейчас! - выкрикнул он. - Атакуют
немедленно! Запускайте «Хитеры» и
выведите машины из строя!

Он бы продал душу за батарею орудий,
чтобы уничтожить «Носороги» из-под
прикрытия только что

возведенного им шумового щита. Но
сойдет и это. Он не думал, сколь малого
добьется, уничтожив

несколько динамиков. Он видел возможность сразиться с врагом.

Возможность прославиться.

Он возглавил следовавшие за «Хитерати» отделения. Корвус видел на лицах людей боль от

терзавшего их непрерывного резонанса и то, каких усилий им стоило сконцентрироваться на

простейшей задаче приготовить оружие. Он надеялся, что они, как и сам он, понимают необходимость

его действий, и видел героизм их борьбы за Императора. Гургес был глупцом, подумал Корвус. То, что

он делал сейчас -- вот что заслуживало песни.

Ворота открылись, и «Хитеры» двинулись вперед. «Носороги» остановились на полпути между силами

вторжения и стеной, это расстояние легко покрывалось «погребальными вещателями». Песня была

неслышима. Возглавив атаку с высоко

поднятыми ладнистою и ценным
мечом, Корвус ощутил, как
губы растягиваются в триумфальном
оскале. Из-за стены вырвалась сама отвага
Империи. Корвус
кричал, тяжело шагая за ревущей и
лязгающей «Химерой». Но бере того как
они удалялись от базы,
визг резонанса стихал, но машины
производили собственный грохот, и Корвус
все еще не слышал ни
звука песни.
Нечто заговорило, возвещая конец. Звук
представлял собой колоссальный, глубокий
и многоголосый
гром. Это была артиллерия Хаоса, все
пушки которой выстрелили одновременно,
давая одиночный
грандиозный залп. Нижний склон
возвышения форта Горек взорвался, к небу
взметнулись фонтаны
земли. Состоящий из шума и воздуха
великан поднял Корвуса и швырнул его.
Мир перевернулся от

края до края в урагане грязи, камней и
пламени. Полковник рухнул наземь и начал
извиваться, будто

приколотое насекомое, пока расплющенные
легкие пытались сделать вдох. Когда
воздух поступил,

ощущение было таким, словно в грудь
впились когти и камни. Голова гудела, как
колокол.

Зрение и слух прояснились, и Корвус
увидел обломки «Химер» и разгром
наступления. Машины

приняли на себя основную тяжесть удара и
превратились в разбитые дымящиеся
обломки

искореженного металла. По склону были
разбросаны куски тел: все еще сжимающая
лазган рука,

оканчивающийся нижней челюстью торс,
органы без тел и тела без органов. Люди
поднимались и

затирали, когда их настигал рефрен.
Спустя минуту после обстрела Корвус
остался единственным

сохранившим свою волю. Он поднял оружие
и, спотыкаясь, двинулся по склону к стене.
На бегу ему

казалось, что он слышит, как по рядам
сил Хаоса ползет стех.

Ворота раскрылись ровно настолько,
чтобы впустить его. Резонанс
перечеркивал песню, но сам

обвивался вокруг мозга, словно колючая
провода. Он потерял фуражку, а форма
превратилась в

лохмотья. Но все же он выпрямился, шагая
обратно среди толпы ошеломленных
солдат. На середине

площади ему преградил путь новобранец.
Глаза человека слезились, а из носа шла
кровь от

многочасового разрушающего резонанса.

- Позвольте нам пойти, - взмолился он. -
Позвольте сражаться. Мы продержимся,
сколько сможем.

Корпус оттолкнул его.

- Ты с ума сошел? - завопил он,

перекрикивая визг. - Знаешь, что с вами случится?

Пехотинец кивнул.

- Я был на стене. Я видел.

- Ну и?

- Когда они поют, то выглядят счастливыми. Но крайней мере такая смерть -- не бессмысленное мучение.

Корвус вскинул пистолет и выстрелил человеку в глаз. Он крутанулся, яростно глядя на свидетелей,

чтобы убедиться, что те усвоили урок. Затем побрел в командный центр.

Ночь и день бесконечного электронного боя. Потом еще ночь наблюдения, нервы истерзаны до боли.

Корвус заткнул уши тканью, но резонанс пробивал себе дорогу сквозь жалкую преграду. Челюсть

дрожала, мышцы щек подергивались, и такие же изменения он видел во взвинченных, напряженных

лицах людей. «Носороги» не приближались,

прочие вражеские войска тоже не
двигались. Форт Горек

осаждала абсолютная неподвижность, но и
ее было достаточно.

Третий день обороны стал адом из-за
бессонницы и припадов клаустрофобии.
Пятеро гвардейцев

попытались дезертировать. Но приказу
Корвуса их сперва высекли, а затем
расстреляли.

Солнце садилось, и Корвус видел
приближение конца. Продержаться не
удастся. Возведенный ил щит

был пыткой, и безумие разорвет базу на
части. Оставалась лишь последняя
блистательная атака, чтобы

лишить врага триумфа, которого тот
явно желал. Но как устроить наступление,
если солдаты

поддадутся гитну, даже не добравшись до
врага. Корвус закрыл уши руками, пытаясь
создать

препятствие визгу, достаточно ослабить
его, чтобы сунуть гутать. Тишина была

бы величайшим

даром, каким мог бы наделить его
Император.

Но вместо нее тот даровал следующий по
важности - вдохновение.

Медицинский центр располагался на
нижнем этаже командного блока. Корвус
разыскал врача и

объяснил тому, что требовалось сделать.
Человек побелел и отказался. Корвус
приказал. Медик

продолжал протестовать. Полковник
приставил ему к голове лазерный пистолет, и
это оказалось убедительно.

Вполне.

Процесс занял всю ночь. По крайней мере
большинство людей не сопротивлялись
лишению слуха.

Некоторые, казалось, испытывали
облегчение, освободившись от визга
резонанса. Большая часть

подчинилась процедуре с вялыми лицами и
мертвым взглядом. Люди превратились в
существ, стойко

переносивших отчаяние, которых
удерживала вместе и наделяла жизнью
привычка к дисциплине.

Корвус наблюдал, как на каталке
корчится очередной пациент, из ушей
которого текла кровь. Но

крайней мере, подумалось ему, он
возвращал солдатам гордость для финала
войны.

Чтобы защитить весь гарнизон базы от
угрозы, не было времени, так что Корвус
остановил свой выбор

на лучших, наиболее опытных отделениях.
Этого будет достаточно. Они были
Имперской Гвардией и

собирались дать войскам предателей кое-
что, над чем те смогут поразмыслить.

Наступило утро. Хотя ночью
приземлился еще один вражеский
десантно-штурмовой корабль, в

остальном диспозиция врага казалась
неизменившейся. Корвус осматривал свое
собравшееся войско

загрубевшими от бессонницы и будто

забитыми песком глазами. Солдаты
выглядели, будто ходячие
мертвецы, не заслуживавшие славы,
которую предстояло добыть. Что ж, он все
равно даст им славу, и
они смогут его поблагодарить в свете
Императора. Корвус бросил взгляд на
остальных солдат. Он
оставит их на произвол судьбы. Полковник
пожал плечами. Они все равно обречены, а
он по крайней
мере поддерживал верность до самого
конца. Можно было отправляться в
погилу, зная, что он не дал
им переметнуться на сторону Хаоса.
Исполнил свой долг.
Заслужил славу.
- Открыть ворота! - взревел Корвус, жалея,
что не слышит мощь крика за визгом
резонанса. Часовые
тоже его не слышали, но жест был
понятен, и ворота форта Горек раскрылись
в последний раз.
О последней атаке полковника Корвуса

Парфатена были сложены песни. Но их не поют в гвардейских столовых, это не будоражащие боевые гимны. Они --- издевательские непристойные вирши. С

ядовитым юмором их скорее рычат, а не поют, в коридорах темных кораблей, кружащих по варпу,

словно акулы. Немногие в Империи слышат их в мгновения перед смертью, когда позиции

захлестывают орды Хаоса. Им эти песни нравятся не больше, чем понравились бы Корвусу.

Атака стала разгромом. Люди бежали на лазерный огонь и заряды болтеров. Их разрывал на куски

пушечный обстрел. Резали ценные мечи и размазывали бронированные кулаки. Но все же они

спустились с по склону дальше, чем ожидал даже Корвус. Слаженный удар обрушился на переднюю

линию сил Хаоса и нанес некоторый ущерб

прежде, чем отряд был уничтожен.
Действия солдат могли
бы показаться славным героизмом в
отчаянной ситуации, когда нечего терять.
Но истину раскрывало то
обстоятельство, что ни один человек не
занял укрытия, все лишь бежали вперед,
без разбора стреляя
из своего оружия. Они неслись к смерти и
радовались свободе.

Корвус остался последним. Из-за упоения
битвой и восторга освобождения от визга
ему потребовалось
мгновение, чтобы заметить свое
одиночество. Он все еще бежал вперед, к
славе, но теперь удивлялся,
почему в него, казалось, не стреляли. У
почему отделение космодесантников
Хаоса впереди
расступилось, чтобы дать ему дорогу. Он
споткнулся, а затем увидел того, кто его
ждал.

Монстр возвышался громадой, облаченный
в то, что некогда было терминаторским

успехом, а теперь

стало жужжащим и гноящимся экзоскелетом. Из трубок над плечами и ран в извращенном керамике

вылетали рои мух. Огнорогий шлем превращал последние признаки человечности существа в

абсолютный демонизм. Рука расслабленно держала гигантскую косу.

Корвус увидел, насколько сильной может быть сотворенная болезнью плоть. Но опустошив

лазистолет, а затем обнажив цепной меч, все равно бросился в атаку и нанес Вестнику Нургла удар.

Тифус крутанул вокруг себя «Жнеца Жизней». Движение было столь же быстрым, сколь небрежным и

презрительным. Древко ударило Корвуса, раздробив бедро. Полковник рухнул в грязь, прикусив губу,

чтобы не закричать. Над ним навис Тифус.

- Убей меня, - прошипел Корвус. - Но знай,

что я бился до конца и одержал свою победу.

Тифус издал звук, напоминавший гул огромных ульев. Корвус понял, что слышит стех.

- Убить тебя? - переспросил Тифус. Его голос был низким и скользким, словно разлагающийся труп. - Я

пришел не убивать тебя. Я пришел научить тебя моему гимну.

Несмотря на боль, Корвус сумел расстелиться в ответ.

- Я никогда не стану его петь.

- В самом деле? Но ты уже сделал это. Ты веришь, что служишь свету и порядку, однако, как и в случае с

твоим дохлым императором, все, что ты делаешь, разрушает надежду и толкает к хаосу. Посмотри, что

ты сделал со своими людьми. Ты хорошо не послужил, сынок. Вы оба -- ты и твой брат.

Корвус боролся с откровением, но оно вспыхнуло в его сознании тошнотворным

зеленым светом.

Правда настигла и поразила его. Он
увидел свои действия, их последствия и
то, чьей славе он на самом

деле служил. И по мере того, как картина
обретала очертания, то же делал и звук.
Он услышал гимн и

его музыку. Там была мелодия, и он сам
являлся ее частью. Тело сдалось, и
предсмертный взор

заполнила фигура торжествующего
Сифуса. Челюсть Корвуса распахнулась.
Горло исказилось в экстазе

агонии, и он стал единым целым с
последним хором Лигеты.

Глоссарий:

*амүзия - утрата способности понимать
или исполнять музыку, писать и читать
ноты,

возникающее при поражении височных
отделов коры правого полушария

**мецианин (медзанин) - полэтаж между
этажами

***гиминүэнго - музыкальный термин,

обозначающий постепенное утешение
силы звука.

• • •